

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ева Львова

*Адвокаты
не попадают в рай*

Адвокатский детектив

Ева Львова

Адвокаты не попадают в рай

«ЭКСМО»

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Львова Е.

Адвокаты не попадают в рай / Е. Львова — «Эксмо»,
2013 — (Адвокатский детектив)

ISBN 978-5-699-64980-8

Адвокат Агата Рудь вовсе не хотела общаться со вздорной старушкой, явившейся в полицию заявлять об исчезновении своей сестры! Только личная просьба знакомого следователя избавить его от навязчивой посетительницы заставила Агату ввязаться в это дело. Оказалось, пропавшая Надежда Сергеевна владела редким кольцом, за которым буквально гонялись коллекционеры. На встречу с одним из них она и отправилась, после чего бесследно исчезла... Однако личные переживания на время заставили Агату забыть о работе: Борис Устинович, старый друг и коллега по адвокатской конторе, сделал ей предложение. Агата уже было решила согласиться, когда Борис вдруг познакомился с певицей Женей Арзамасовой! По странному совпадению племянницей того самого человека, давно охотившегося за кольцом...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64980-8

© Львова Е., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Ева Львова

Адвокаты не попадают в рай

– Не понимаю, где были глаза шефа, когда он брал на работу такого водителя? – просто-напросто секретарша, сжимая сухонькие кулачки и с вызовом глядя на дверь, отгораживающую зону отдыха адвокатской конторы от приёмной.

Из-за приоткрытой створки доносился грохот телевизора, включённого на полную мощность, и это не могло не раздражать нас, адвокатов, пытавшихся под него работать. Сосредоточиться ни у кого не получалось. Маша Ветрова набирала текст на компьютере, распечатывала на принтере, читала, затем раздражённо комкала получившееся и швыряла бумагу в корзину, после чего принималась стучать по клавишам снова. Борис правой рукой прижимал к уху трубку, а левой прикрывал свободное, хоть таким образом стараясь расслышать клиента. Я же безуспешно пыталась сформулировать адвокатский запрос.

Наша секретарша, Кира Ивановна, дама, по сути, неконфликтная, проработала в адвокатской конторе «Устинович и сыновья» всю жизнь и за полвека на своем посту повидала всякое. Но последнее «приобретение» шефа повергло в недоумение даже её.

Необходимость в курьере на собственном авто назревала давно, но окончательно сформировалась в тот момент, когда Борису понадобилось быть одновременно в нескольких местах разом. Устинович-младший отправился к Устиновичу-старшему, приходившемуся ему не только шефом, но и отцом, и потребовал у главы конторы немедленного решения этого вопроса. В Интернете тут же было размещено объявление об открывшейся вакансии, и кандидаты на должность курьера на железном коне валом повалили к нам на Маросейку. Кира Ивановна проводила предварительный кастинг, и большинство соискателей, просеянные сквозь сито её придирчивых вопросов, отпадали ещё на начальном этапе. Более или менее понравившихся претендентов секретарша отправляла непосредственно к шефу, и тех отфутболивал уже он. Только к концу второго дня был сделан выбор, и на кухне расположился отставной майор-пограничник, которого Кира Ивановна радушно потчевала чаем.

Когда новый водитель, почаяёвничав, уже собирался домой, звякнул колокольчик над входной дверью конторы, створка распахнулась и на пороге появился невысокий парень в спортивной куртке и трикотажных штанах с лампасами, обтягивающих его кривоватые ноги. На улыбающемся мальчишеском лице пламенел жаркий румянец, а белобрысую голову украшала модная в этом сезоне кепка, лихо сидящая на вихрастом затылке. Окинув пытливым взглядом помещение, визитёр развязно проговорил:

– Кому тут нужен водитель?

Ветрова перестала подпиливать ногти и, окатив припозднившегося соискателя ледяным взглядом, сквозь зубы процедила:

– Вакансия закрыта, можешь идти домой.

В этот момент из кабинета вышел шеф. Он рассеянно огляделся по сторонам и, заметив посетителя, участливо спросил:

– Вы что-то хотели?

– Работать у вас хотел, – широко улыбнулся белобрысый, сверкнув озорными глазами.

– Прошу прощения, но мы уже взяли человека, – торопливо сказал Устинович-старший, насмотревшийся за день на потенциальных водителей до тошноты.

– Как скажете, – оптимистично отозвался соискатель и, снова звякнув колокольчиком над дверью, покинул офис.

Прошла ещё пара часов, и коллеги, отпущенные начальством, начали потихоньку разбредаться по домам. Мечтательно вздыхая, ушла Кира Ивановна, упорхнула на очередное свидание.

ние с потенциальным женихом легкомысленная Мария, а шеф, занятый подготовкой к предстоящему международному конгрессу, всё ещё сидел в своём кабинете.

– Агата, ты идёшь? – окликнул меня Борис, натягивая пальто.

Отлично помню, что в тот вечер мы с моим кудрявым другом планировали поход в «Современник». Однако в театр так и не попали.

Борис помог мне усесться в салон его старенького «Форда», и автомобиль покатил в сторону центра. Но тут я вспомнила, что оставила в конторе билеты, которые выложила на видное место, чтобы не забыть. Бормоча под нос что-то о женской логике, приятель повернул назад. Переулок, где находится адвокатское бюро, освещён довольно скудно, только над нашим входом мерцает вывеска, подсвечивая окрестности. Теперь же она почему-то темнела бесполезным прямоугольником, хотя ещё несколько минут назад – я могла бы в этом поклясться – излучала робкий свет. Недоумевая, что же могло произойти за время нашего отсутствия, мы устремились к офису и при свете фар увидели диковинную картину. Владелец адвокатского бюро Эд Георгиевич Устинович стоял на пороге, слегка приоткрыв дверь, из которой лился тоненький лучик света, и, прижав трубку к уху, громко говорил в нее:

– Полиция? Немедленно приезжайте! Тут драка!

И Борькин отец продиктовал адрес конторы, перед которой разворачивалась нешуточная потасовка. Какой-то здоровяк в засаленной дублёнке что было сил молотил невысокого паренька в спортивной куртке. Чуть в стороне на асфальте валялась кепка, какую я видела на последнем претенденте на должность водителя.

Когда я выскочила из машины и бросилась разнимать дерущихся, избиваемый вскинул на меня красное злое лицо и сердито зашипел:

– Отвали! Чего лезешь?

И я поняла, что это действительно он. Последний претендент. Бугай ещё раз смачно съездил парню по физиономии и, поскальзываясь на льду, кинулся к ближайшей подворотне. Борис как раз закончил парковаться и подбежал к отцу, который заботливо помогал пострадавшему подняться на ноги – тот после удара шмякнулся наземь. Взглянув в лицо спасённому молодцу, Эд Георгиевич удивлённо произнёс:

– Вы-ы? Что вы здесь делаете?

А вот я-то уже сообразила, что понадобилось здесь белобрысому. Мне план проходимца был ясен с той самой минуты, как я увидела знакомую кепку на обледелом асфальте. И в тот момент могла поспорить, что парень заранее договорился со своим обидчиком, чтобы тот в назначенный час в указанном месте намял ему бока. И даже, возможно, отвалил за это некоторую сумму. Ведь, как известно из начального курса психологии, спаситель относится к спасённому с огромной симпатией, а нередко чувствует за него немалую ответственность, помогая и дальше решать разнообразные жизненные проблемы. Я мысленно пооплодировала находчивому соискателю и не особенно удивилась, услышав его плаксивый голос:

– Что делал? Мимо проезжал. Вдруг вижу – будьте-здрасьте! – этот гад берёт кирпич и разносит вдребезги вывеску.

Взглянув в направлении, куда указывала рука парня, я увидела, что вывеска и в самом деле разбита, хотя до сей поры не обратила на это внимания.

– Хоть вы меня и не взяли на работу, я всё же подумал, что должен задержать хулигана. Выскочил я из машины и говорю ему: «Что же ты делаешь?» А он обернулся – и прямо мне по лицу, – складно врал соискатель, подпуская в голос жалобные нотки. – Теперь я весь грязный, куда такой пойду?

Шеф, будучи прекрасным адвокатом, зачастую проявляет крайнюю наивность в житейских вопросах. Вот и тогда поддался на простенькую уловку находчивого афериста. Распахнув перед ним дверь адвокатского бюро, Эд Георгиевич сконфуженно проговорил:

– Заходи, сынок, умойся.

– Ого! – пробормотал потрясённый Борис. – Меня батя лет двадцать не называл сынком! Лицо моего кудрявого друга ревниво передёрнулось, и он, прозванный друзьями Джуниором за то, что был младшим в адвокатском клане Устиновичей, быстро проскочил в не успевшую захлопнуться дверь. Я последовала за ним, с тоской понимая, что в театр мы сегодня уже не идём.

Так в нашей конторе появился водитель со своим автомобилем по имени Пол Банкин. Вообще-то, имя парня было Павел Алексеевич, но он предпочитал, чтобы его называли Полом, упирая на то, что фамилия Банкин хороша именно с этим вариантом имени. Тем же вечером выяснилось, что Полу негде жить. Устиновичу-старшему стоило немалых трудов всего лишь за один день пристроить нового сотрудника на съёмную квартиру. Чувствуя груз ответственности за спасённого, в ближайшем будущем Эд Георгиевич планировал помочь парню еще и с образованием, то есть посодействовать поступлению Банкина в юридическую академию, хотя оба его сына поступали в вуз самостоятельно.

Пол сразу же стал любимчиком владельца адвокатского бюро, чем настроил против себя весь остальной коллектив. Особенно невзлюбила его Кира Ивановна.

– По вине этого интригана я осталась без поклонника, – горевала женщина, имея в виду отставного майора, коему, как вы понимаете, в месте было отказано. – А как хорошо всё началось!

Кухня теперь всегда была оккупирована водителем, отправлять которого по делам было себе дороже. Москву он не знал, навигатора не имел, и несколько раз его заглохший автомобиль приходилось вызволять с таких далёких окраин столицы, что проще было держать Пола под присмотром в конторе. В принципе я понимала Киру Ивановну, которую удивлял странный выбор шефа. Но понимала и шефа, пожелавшего поиграть в благородство.

* * *

Звонок смартфона вывел меня из задумчивости. Кинув взгляд на дисплей, я увидела, что на связи мой хороший знакомый Илья Лисицын, работающий следователем в полицейском управлении. Когда-то он работал в нашей конторе адвокатом, поэтому все мы прекрасно знали Хитрого Лиса. И даже иногда привлекали его к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях¹.

Нажав клавишу приёма, я оживлённо поздоровалась:

– Привет, Илюш!

– Здравствуй, Агата, – хмуро откликнулся следователь. – Как сама?

– Спасибо, всё отлично, – отозвалась я.

– У меня к тебе дело на тысячу долларов, – буркнул Илья. – Ты сейчас как, очень занята?

– Да не особенно, – с сомнением в голосе откликнулась я, стараясь не замечать недописанного запроса.

– Тогда подъезжай в управление, ты мне позарез нужна. У меня в кабинете сидит одна неугомонная дамочка глубоко пенсионного возраста и требует положенного ей по закону адвоката, ибо собирается подавать на меня в суд.

– И какова причина этого? – заинтересовалась я.

– Вполне себе банальная, – промямлил Лисицын. – Я отказываю в возбуждении дела о пропаже её сестры одна тысяча девятьсот двадцать пятого года рождения.

– А почему ты отказываешь? – удивилась я. – Старушка действительно пропала?

– Пропать-то она пропала, но не прошло ещё положенных по закону трёх суток с момента обнаружения отсутствия гражданки Мироевской Надежды Сергеевны по месту её регистрации, – раздражённо обронил Илья.

¹ Подробнее об этом читайте в романе Евы Львовой «Презумпция невиновности», издательство «Эксмо».

– Отправь сестру пропавшей в отделение полиции того района, где та проживала, – подсказала я.

– Так неугомонная дамочка оттуда ко мне и притопала, – сокрушённо вздохнул Хитрый Лис. – Из отделения её развернули, и бабка явилась в вышестоящую инстанцию. Теперь вот требует адвоката, хочет меня засудить. А у меня куча работы, совершенно нет времени заниматься тяжбами с ветеранами двух войн.

– Тогда просто заведи дело. Жалко тебе, что ли? – фыркнула я.

– Ага, ещё один висяк на себя брать? – взорвался следователь. – У меня и так девяносто три дела в производстве. А Мироевская эта, скорее всего, вообще не найдётся. Померла где-нибудь в переходе, а люди мимо проходят, думая, что бомжиха пьяная спит. Знаешь, сколько старушек по статистике за год пропадает неизвестно куда?

– Не знаю, – честно призналась я.

– Лучше тебе и не знать, – тяжело вздохнул собеседник. – Так что приезжай, Агата, поскорее, пока бабка себе какого-нибудь фанатичного правозащитника не спроворила.

– Отлично, сейчас буду, – проговорила я, поднимаясь с рабочего места.

И тут мой рассеянный взгляд скользнул по умоляющему лицу Маши Ветровой. Первая красавица нашей конторы держала в руках файл с наконец-то распечатанными бумагами и не сводила с меня лстивых глаз.

– Агатик, насколько я поняла, ты в управление едешь?

Голос ее был сахарно ласковым, и мне сделалось не по себе. Обычно-то Мария держится со мной холодно, даже заносчиво, а тут вдруг такая метаморфоза. К чему бы это?

– Да, к Лисицыну, – подтвердила я, сбитаая с толку чересчур приветливым обращением, за которым, как я полагала, должна последовать некая просьба. Так оно и вышло.

– Прихвати документы для следователя Егорова, он в соседней комнате с Лисицыным сидит, – пропела Маша, вручая мне файл.

– Нет проблем, – покладисто откликнулась я.

И тут в наш разговор вмешалась Кира Ивановна.

– Ну уж нет! – резко сказала она, и её бас прогремел на весь офис, как трубный глас над Иерихоном. – Мария, отдай документы водителю, пусть тот отвезёт.

– Так ведь потеряет, – страдальчески сморщилась Ветрова. – А я полдня бумаги распечатывала.

– Не потеряет, – хмыкнула секретарша. – Он же водитель, лицо ответственное.

– Правильно, ответственное, – подхватил Борис, тоже недолюбливавший Банкина с момента, когда Эд Георгиевич назвал парня «сынком».

– Как вы не понимаете? – чуть не плакала Мария. – Я не могу доверить Полу важные бумаги!

– Не беспокойся, Машенька, за Банкиным Агата присмотрит, – веско сказала Кира Ивановна и выразительно посмотрела на меня.

В принципе я не возражала. Нужно присмотреть – значит присмотрю.

Получив задание, Пол, потягиваясь, вышел за мной следом на улицу и, зевая, проговорил:

– Бензинчику не отольёшь? А то я на работу опаздывал, на заправку не успел заскочить, а тут, будьте-нате, с заданием послали.

Я недоверчиво покосилась на ржавую «пятёрку» редкого в наши дни морковного цвета, которым в середине семидесятых Волжский автомобильный завод красил большую часть сходящей с конвейера продукции. Сейчас такой раритет стоил долларов сто, не больше, но я не сомневалась, что Пол с его умением втираться в доверие к людям выцганил автомобиль у кого-нибудь бесплатно.

– Может, лучше на моей машине поедем? – предложила я, не слишком-то доверяя развалюшке Банкина.

– И то дело, – живо откликнулся водитель, устраиваясь на переднем пассажирском сиденье «Мини-Купера».

Окающий говор раньше никогда меня не раздражал, но всё, что произносил Павел Алексеевич, отчего-то невероятно злило. Хотя, может, дело вовсе не в диалекте, на котором тот делал свои заявления, а в нём самом. В той развязной наглости, с которой держался с нами, своими коллегами, в то же самое время стараясь выглядеть бедным сиротой перед Эдом Георгиевичем. Что, надо сказать, у него прекрасно получалось. При всём своём прожжённом цинизме парень был, безусловно, талантлив как актёр, и лично мне казалось расточительством, что он тратит свой дар на разводку доверчивого владельца адвокатской конторы. О чём я и сказала Банкину, стоило нам только отъехать от бюро.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь у вас задержаться? – сидя на пассажирском сиденье, усмехнулся водитель и вскинул редкую бровь, отчего его круглое лицо обрело надменное выражение.

– Зачем же ты так рвался у нас работать? – удивилась я, медленно двигаясь в пробке по Маросейке.

– Да понимаешь, – пустился парень в рассуждения, сопровождая речь размашистыми жестами, неуместными в компактном салоне крошечного авто, – я приехал в Москву неделю назад, а меня уже дважды в полицию заметали. Физиономия моя, видите ли, полицейским не нравится. Я и подумал, что надо бы обзавестись знакомством в среде адвокатов. Вот пообвыкнись в столице и стану артистом. Тогда, будьте-нате, только вы меня и видели.

– Артистом? – переспросила я, подумав, что ослышалась.

– Ну да, на сцене буду выступать, – небрежно подтвердил Павел Алексеевич. – Другие вон псевдонимы себе придумывают, а у меня свои собственные имя и фамилия артистические. Чего ж добру пропадать?

Отметив про себя, что рассуждения Пола довольно логичны, я, стараясь не улыбаться, уточнила:

– И что ты умеешь делать?

– Могу, например, петь, – нахально заявил мальчишка. – Вот послушай...

И, прикрыв глаза, не лишённым приятности голосом он затянул «Звезду по имени Солнце». Тронутая его детской манерой исполнения, я спросила:

– Любишь Цоя?

– Да не, – с подкупающей искренностью ответил парень. – Это у вас в Москве все его любят, а я люблю Наташу Королёву. Вот «Жёлтые тюльпаны» – это вещь!

Мой спутник тут же запел высоким девичьим голосом песню из репертуара Королёвой. А когда закончил, без перехода сообщил:

– Ещё я могу изобразить кого угодно. Хочешь, покажу Арнольда Шварценеггера?

И, не дожидаясь ответа, заговорил сиплым голосом переводчика закадрового текста из культового блокбастера «Терминатор»:

– Айлл би бэк!

– Здорово у тебя получается! – восхитилась я.

Помолчав минуту, Банкин глубокомысленно промолвил:

– Если хочешь быть в мейнстриме, надо уметь делать то, что люди хавают.

Стараясь скрыть удивление познаниями собеседника в маркетинге шоу-бизнеса, я осуждающе заметила:

– А тебе не кажется, что нехорошо обманывать чужие ожидания? Эд Георгиевич хочет из тебя адвоката сделать.

– Не, адвокатом быть не хочу, – затряс вихрастой головой Пол. – Я не большой охотник общаться с преступниками. У нас в деревне вообще преступников не было.

– А из какой ты деревни? – заинтересовалась я.

– Из Новой жизни под Волгоградом. Дыра дырой! – небрежно махнул рукой собеседник. – Пять домов, сельмаг, а до железнодорожной станции двадцать километров лесом. У нас там одни старики живут. Я тоже с бабой Олей жил, пока она не померла.

– А мать твоя где? – всё больше проникалась я горемычной судьбой паренька.

– Да кто ж её знает? Привезла меня, маленького, к бабке в деревню, чтобы я жизнь молодую ей не портил сразу, будьте-нате, обратно в город укатила.

– А звали её как?

– Ветка непутёвая, – явно за кем-то повторяя, ответил Пол. – Полностью имя я не знаю, баба Оля только так о ней и говорила.

– Ну ладно, бабушка называла Веткой. А в метрике у тебя что записано? – задала я навоящий вопрос, ведь Ветка могла быть и Светкой, и Лизаветкой, и Виолеткой. Да мало ли кем ещё!

– Так баба Оля меня на себя записала, чтобы, значит, я матери жизнь не ломал. Отец-то неизвестен! Так что, кроме бабы Оли, у меня за всю жизнь и не было никого. Похоронил я бабушку, запер дом и поехал в Москву. Ведь бабушка всегда говорила, что я стану артистом.

– А дом почему же не продал? Лучше ехать в Москву с деньгами.

– Да кто ж купит эту старую развалюху? – удивился Банкин. – И климат у нас неважнецкий. Сухо и жарко, как в пустыне Сахаре. Баба Оля уж на что двужильная была, и то всё время жаловалась на жару. Только Матвеич, сосед наш, жары не замечал. Он отставной военный, всю жизнь прослужил на Севере, вот и чувствовал себя хорошо. Даже мёрз иногда.

Представив нелёгкую Пашину жизнь во всей её суровой неприглядности, я поймала себя на мысли, что в самом деле жалею парня. С одной стороны, мне было понятно, что на этом и строится его расчёт, но, с другой стороны, уже ничего не могла с собой поделаться.

– А где ты учился? – ласково спросила я. И вовремя остановилась, чтобы не погладить мальчишку по белобрысой голове.

– Ясно где, в школе. Она в семнадцати километрах была, в соседнем селе. Туда и ходил.

Банкин шмыгнул носом и, утерев ладонью рот, закончил:

– Баба Оля коров поднимается доить, а я в школу собираюсь.

– Скучно, наверное, со стариками было? – уже не старалась я скрыть сочувствия.

– Скажешь тоже, скучно! – внезапно развеселился Пол. – Матвеичу сын из Питера видеомagneфон привёз, какими уже давно никто в городе не пользуется, и три здоровенные коробки кассет с фильмами. Дома, говорит, валяются, место занимают, а выкинуть рука не поднимается. Пусть, дескать, у тебя, отец, полежат. Мы и смотрели кино всей деревней. А потом я показывал разных актёров. Вот баба Оля и говорила, что артистом буду. Как бабка померла, так я в Москву и собрался. Матвеич свою машину подарил. «Бери, говорит, Павел, мою ласточку, мне она здесь без надобности». Я сел и поехал на ней в Москву.

– А документы на машину переоформил? – уточнила я.

– Что за документы? – заинтересовался шофёр.

– Самые обычные. Техпаспорт, дарственную. Или хотя бы доверенность на право управления автомобилем. Да, кстати, права-то у тебя есть?

– Про документы ничего не знаю, а вот права имеются, – похвастался Пол. – У нас в десятом классе все ребята на права сдавали. Чтобы трактором управлять. В Волгоградской области трактористов не хватает.

– Понятно... – протянула я, заруливая к зданию управления внутренних дел.

– Обратно без меня не уезжай, – требовательно сказал водитель со своим авто, но без документов и бензина, собираясь покинуть салон моей машины.

Заверив пассажира, что даже в мыслях не держу подобного вероломства, я вылезла из-за руля, пикнула сигнализацией и, указывая Банкину путь, двинулась туда, где обитают следователи.

* * *

Склочная гражданка, собирающаяся подать в суд на Хитрого Лиса, поджидала меня в коридоре. Это была полная дама далеко за шестьдесят, настолько похожая на вредную старуху из рекламного ролика масла «Злато», что в первый момент я даже растерялась. Вы, наверное, помните, как актриса с круглыми глазами и носом лепёшкой за обе щеки наворачивает оладьи? А когда невестка спрашивает ее: «Мама, вы на чём жарите?» – в сердцах кидает полотенце и раздражённо бурчит: «Умные все стали...» Так вот, именно она меня и встретила в управлении.

Одета рекламная бабка была в драповое пальто, отороченное потёртой чернобуркой, а на голове у нее сидела столь же заслуженная шапка из того же меха. Головной убор закрывал часть её лица, и из-под клочковатого меха на меня был устремлён лишь нос с растущими под ним редкими усами. Прямо поверх усов бордовой помадой были нарисованы фигурные губы, делающие немолодую женщину кокетливой до безобразия. Неведомым образом дама догадалась, что я как раз та, кто ей нужен, и кинулась мне на встречу.

– Простите, вы адвокат Агата Рудь? – издали закричала бабулька, смущая пугливых посетителей управления, жавшихся на стульчиках, расставленных вдоль коридорных стен. – Такой я вас и представляла, – продолжала потенциальная клиентка. И, скривив бордовые губы в недовольной гримасе, вдруг выпалила: – Можете идти туда, откуда пришли! Мне такой адвокат задаром не нужен.

– Прежде всего, здравствуйте, – улыбнулась я, приближаясь к рекламной старухе. – Как я могу к вам обращаться?

– Никак не можете, – отрезала та. И энергично принялась меня отчитывать: – Вы что же, думаете, если я пожилой человек, то мне можно подсовывать, кого похуже? На тебе, боже, что другим не гоже? Ну, нет уж, голубушка! Мне нужен адвокат солидный, чтобы камня на камне от буквоеда Лисицына не оставил. Заладил своё: мол, трое суток моя сестра должна отсутствовать... Какие трое суток, если ей скоро девяносто исполнится? А он говорит – могла уйти в загул или уехать к друзьям в другой город. Какой другой город, когда у неё большое сердце? Судить его, бюрократа, надо! И солидный адвокат мне в этом поможет. Думаете, не найду такого?

Слушая брань старухи, я краем глаза наблюдала, как из кабинета следователя Егорова вышел покончивший с делами Пол Банкин и замер у дверного косяка, с интересом прислушиваясь к перепалке. И вдруг парень преобразился: расправил плечи, выгнул грудь колесом, сунул в зубы спичку, неизвестно откуда появившуюся, и уверенной походкой завсегдатая управления двинулся напрямик к нам. Приблизившись к старухе почти вплотную, Пол почтительно кашлянул, ловко переместил спичку из одного уголка губ в другой и, преданно глядя мне в лицо, затаил:

– Агата Львовна-а! Какая встреча! Как я рад вас видеть! А меня снова замели по беспределу и дело шьют. Говорят, похожий на меня пацан магазин в четверг ограбил. А я и знать ничего не знаю! Может, возмётесь меня защищать? Как в прошлый раз отмажете от тюряги, а?

Психология человека, долгие годы проживавшего при советском строе, такова: если кто-то что-то хочет увести у него из-под носа, значит, эта вещь стоящая, и надо, не раздумывая, её хватать. Шельмец Банкин мгновенно просчитал этот вариант, и он безотказно сработал – моя собеседница встрепенулась, кинув на меня заинтересованный взгляд.

– Конечно, Павел, я вам помогу, – сдержанно улыбнулась я, с теплотой глядя на Пашу.

– Агата Львовна, а как же я? – заволновалась старуха. – Я обратилась к вам раньше молодого человека!

– Действительно, Павел, вы уж меня простите, – довольно натурально смутилась я. – Женщина подошла ко мне первая, и сначала я выслушаю её.

– О блин! Агата Львовна, наберите мой мобильный, как только освободитесь, – взмолился Банкин, чуть не плача. – И помните – я следующий на очереди!

– Меня зовут Любовь Сергеевна, а фамилия Кашея, – представилась клиентка, победоносно поглядывая на Банкина и увлекая меня в конец коридора. – Пойдёмте к окну, я расскажу, в чём суть моей претензии.

Через пятнадцать минут я знала, что гражданка Кашея обиделась на следователя Лисицына не просто так. Дело в том, что сестра рекламной старухи, пожилая дама ещё более почтенного возраста, вчера вечером исчезла в неизвестном направлении из собственной квартиры в Армянском переулке.

– Надежде восемьдесят восемь лет, – горячо говорила Любовь Сергеевна, теребя пуговицу на пальто, – и помимо большого сердца она совершенно слепая. У нее отслоение сетчатки, и сестра не видит ничего дальше своего носа. Самостоятельно сестра не выходила из дома больше года, по всем врачам водила ее я. Но проблема, знаете ли, в том, что Надя очень доверчива. Все встречные-поперечные у неё «ребята» и «пареньки». Один раз привела домой двух «пареньков» с вокзала. Мужчины оказались с Северного Кавказа и очень обрадовались новому знакомству. Один из них, Джабраил, даже жениться хотел на Надежде. Мы с участковым еле их выпроводили. А недавно телевизионный мастер её обокрал – забрал все деньги из кошелька. Надя не видела, что показывают на экране, и считала, что это из-за плохой антенны, вот и вызывала разных жуликов, пока её не обчистили. Я убеждала Надежду заявить на вора, но сестра из-за слепоты не могла даже сказать, сколько у неё было в кошельке денег.

– И большие у Надежды Сергеевны бывали суммы? – осведомилась я.

– Вполне приличные, – закивала моя собеседница. – Надя ветеран, получает хорошую пенсию, а тратит совсем немного, большая часть денег остаётся.

– Вы осматривали квартиру сестры после её исчезновения? Может быть, что-то пропало?

– Да вроде бы нет, – неуверенно протянула клиентка, вопросительно глядя на меня. – Так мы засудим этого буквоеда?

– Знаете что, Любовь Сергеевна, давайте попробуем разобраться в вашем вопросе без помощи полиции, – решительно сказала я, предвкушая увлекательную головоломку. – Мне кажется, мы с вами сможем сделать для Надежды Сергеевны гораздо больше, чем загруженный выше головы следователь Лисицын.

– А что, может быть, вы и правы! – на лице старушки расцвела малиновая улыбка. – Давайте вместе съездим на квартиру к Наде, посмотрим, как там и что, не пропало ли чего.

– Вот и отлично, – обрадовалась я, подхватывая женщину под драповый локоть и увлекая в сторону лестницы.

Нам наперерез ринулся было сидевший до того на стульчике и терпеливо дожидавшийся меня Павел Алексеевич, но мы с мадам Кашевой прошли мимо, не заметив его порыва. А когда я, усевшись в машину, пристёгивала ремень безопасности, пришла эсэмэска. «Вот и делай людям добро», – набрал мне водитель нашей конторы, вынужденный из-за своей артистичности добираться до офиса на троллейбусе.

* * *

Пропавшая гражданка Мироевская проживала в сталинской пятиэтажке на верхнем этаже. С трудом справляясь с одышкой, Любовь Сергеевна один за другим мужественно преодолела высокие лестничные пролёты, вскарабкалась на пятый этаж и, отдуваясь, остановилась у обитой потёртым дерматином двери. Постояв с минуту, извлекла из большой кожаной сумки связку ключей и, звеня ими на весь подъезд, принялась один за другим отпирать замки. На звон из квартиры напротив высунулась растрёпанная голова с седеньким пучком на макушке и любопытным остреньким носом на узком лице.

– Это ты, Люб... – разочарованно протянула соседка, открывая створку пошире и утицей выплывая на лестничную клетку. – А я думала, Надежда вернулась.

– Нету от Нади вестей, – горько откликнулась Любовь Сергеевна. Затем с гордостью добавила: – Видишь, Раиса, со мной адвокат, Агата Львовна. Полиция на меня плевать хотела, а она поможет найти Надежду.

Трудно изобразить искреннее разочарование, если ты не Джеймс Белуши или не Джонни Депп. Я отвела глаза от опечаленного лица соседки и сделала вывод, что Раиса не притворяется. Женщина понизила голос до тревожного шёпота, чтобы не привлекать внимания других жильцов подъезда, и быстро заговорила:

– Куда она могла подеваться? Ума не приложу! Чуть какой шум, я тут же у глазка, смотрю, не лезет ли кто ко мне или к Наде. И могу поклясться чем угодно, что вчера Надежда из дома не выходила.

– Раиса, во сколько вы ложитесь спать? – уточнила я, стараясь во всех подробностях представить себе жизнь двух пожилых женщин, живущих друг напротив друга.

– Да поздно, часов аж в десять, – махнула рукой Раиса.

– А Надежда Сергеевна когда обычно ложилась?

– Надя-то слепая, не разбирает, день на дворе или ночь. Бывает, звонит мне в дверь часа в три ночи, просит прочесть название лекарства. Я ей, конечно, говорю: «Ты что, Надь, не могла до утра подождать?» А она смеётся. У меня, говорит, круглые сутки утро.

– А кто же за ней ухаживал, если старушка совсем слепая? – удивилась я.

– Три раза в неделю приходила социальная работница Катерина, – охотно отозвалась Раиса. – Хорошая девушка, только одета уж слишком шикарно для такой работы. Денег-то им там платят не ахти, но Катя ходит разодетая, как из журнала. И духи у неё французские.

– Это наводит на размышления, – скрывая улыбку, согласилась я. – Спасибо за помощь. Если что-нибудь ещё вспомните – звоните.

Я протянула Раисе визитку. Как только женщина взяла из моих рук картонный прямоугольник, пропустила вперёд клиентку, перешагнула порог квартиры Надежды Мироевской и закрыла за собой дверь.

Первое впечатление о чужом доме было странным. Как будто я вернулась лет на сорок назад, в те далёкие времена, о которых я могу судить только по кинофильмам и старым семейным фотографиям, сделанным в интерьерах жилищ интеллигентных москвичей. В коридоре располагалась выцветшая от времени стенка-прихожая, на стальных крючках которой весела поношенная верхняя одежда.

– Пальто Надежды на месте, – удручённо проговорила Кашева, осматривая вещи. – И сапоги. Получается, из дома сестра не выходила.

В квартире витал въевшийся во все предметы запах валерьянки и старых книг. Последнее вполне понятно – свободные стены в коридоре оказались завешаны книжными полками. За пыльными стёклами стояли издания, которые в период застоя можно было купить только за сданную на вес макулатуру. Мое внимание привлекла стоящая на одной из полок перед книгами фотография мужчины и женщины средних лет, запечатлённых на фоне живописного замка. В голове молнией сверкнула мысль, что старинное сооружение я уже где-то видела. Заметив мой заинтересованный взгляд, клиентка вытащила снимок из-за стекла и, улыбаясь, пояснила:

– Семьдесят третий год. Надюша с мужем Михаилом в замке Шпандау. Миша служил в Германии, как раз там.

Ну да, конечно! Это же Шпандау, тот самый замок-тюрьма, в котором содержали нацистских преступников! Три страны-союзницы, Франция, Англия и Россия, чередуясь, по месяцу несли вахту, не спуская глаз с вождей Третьего рейха ни днём, ни ночью. Нельзя сказать, что условия в замке, превращённом в тюрьму, были ужасными – заключённые могли пользоваться

библиотекой, получали вполне приличное питание, медицинскую помощь и даже имели возможность выращивать в саду замка любые цветы и растения, какие только пожелает их душа. Большинство из семерых узников проводили дни в саду. Большинство, но не все.

– Муж вашей сестры охранял высшее руководство поверженного рейха... – с уважением протянула я.

– Миша охранял Рудольфа Гесса до последнего его дня, – гордо сообщила Любовь Сергеевна, поглаживая снимок.

Без сомнения, Рудольф Гесс являлся самой загадочной фигурой среди нацистов. Именно он был тем единственным заключённым, который отказывался выходить из своей камеры. История его одиозного перелёта из Германии в Англию до сих пор вызывает неоднозначные суждения и будит воображение не одного поколения неонацистов. И теперь вдруг загадочно исчезает жена охранника Гесса? Возможно, разгадка кроется именно в этом.

Сосредоточившись на осмотре вещей, я полюбопытствовала.

– У вашей сестры есть дети?

Пристраивая фотографию на место, Любовь Сергеевна сокрушённо покачала головой.

– Хорошо они жили, но вот наследников у них не было. Надежда застудилась на войне, а Миша и слышать не хотел о приёмных детках. Пять лет назад Михаил умер, и сестра осталась совсем одна.

Осмотрев прихожую, я двинулась по квартире Мироевских дальше. Направо от входной двери располагалась небольшая кухня, на первый взгляд опрятная и чистая. Но при ближайшем рассмотрении стало видно: все предметы здесь носят отпечаток хозяйкиной слепоты. Везде присутствовал налёт, какой появляется на плохо отмытых вещах. Но в то же время бросалось в глаза, что почти девяностолетняя старушка пыталась навести в своем доме порядок.

Подойдя к раковине, я осмотрела залитую водой тарелку с остатками картофельного пюре и шкуркой от сосиски. На вид объедкам было не больше суток. Из этого следовало, что сутки назад Надежда Сергеевна преспокойно поужинала – приготовила себе гарнир, сварила и почистила сосиску, прежде чем бесследно исчезнуть.

Мелодия чужого мобильного вывела меня из задумчивости. Я огляделась по сторонам, но аппарата не заметила. Зато слегка подпрыгивала газета на столе. На звонок, задыхаясь, прибежала из комнаты клиентка.

– Это Надеждин телефон! – шёпотом проговорила Любовь Сергеевна, делая испуганные глаза. – Сестра никогда без него из дома не выходит! Где хоть звенит-то?

Ориентируясь на звук, я торопливо подняла газету, под которой обнаружилась старенькая раскладушка «Сони Эриксон». Она издавала громкие трели, вибрируя и подпрыгивая. Раскрыв аппарат, я молча прижала его к уху, рассматривая кольцо, лежавшее рядом там же, под газетой. Но позвонивший тоже молчал, ожидая отклика. А через несколько секунд человек на другом конце провода дал отбой. Взглянув на цифры, высветившиеся на дисплее, а затем пробежав глазами по списку последних звонков, я пришла к выводу, что за прошедшие сутки вызовы с данного номера поступали на телефон Надежды Сергеевны каждые полчаса. Кроме того, именно этот абонент был тем, кто соединился со старушкой последним. Время беседы оказалось довольно долгим – семь минут и пять секунд, а состоялся разговор в час тридцать ночи. Получается, что в половине второго по полуночи Надежда Мироевская ещё была дома, раз смогла ответить на звонок.

Списав в блокнот все номера из журнала вызовов за неделю, я выделила тот, что повторялся чаще всего, и подозвала Любовь Сергеевну.

– Вы случайно не знаете, кому принадлежит этот номер? – указала я на обведённые рамкой цифры.

– Понятия не имею, – взглядываясь в страничку блокнота, ответила моя доверительница.

С сожалением отложив мобильник Мироевской и свои записи, я взяла со стола кольцо белого металла и принялась его рассматривать. Оно имело весьма своеобразный вид. В центре кольца располагался череп, с обеих сторон окружённый дубовыми листьями, а по бокам были высечены зиг-руны. Несомненно, я держала в руках одно из легендарных тотенкопфрингов, колец, утверждённых Гиммлером в апреле тысяча девятьсот тридцать четвёртого года, которые первоначально предназначались для награждения ветеранов СС. Впоследствии это ограничение было снято, кольцом мог быть награждён любой командир, прослуживший в СС три года и имевший безупречное досье. На практике им чаще награждались офицеры войск СС. За дисциплинарный проступок эсэсовец мог быть лишён кольца. Насколько я помнила из некогда прочитанной в Интернете статьи, чётких критериев для получения кольца не существовало, это был скорее подарок от рейхсфюрера СС. В наградном документе к кольцу говорилось, что мёртвая голова является напоминанием о том, что обладатель тотенкопфринга в любой момент должен быть готов отдать свою жизнь на благо общества. Руны, расположенные напротив мёртвой головы, – это символ процветания из немецкого прошлого, с которым бойцы возобновили связь через мировоззрение национал-социализма. Две зиг-руны символизируют название эсэсовского отряда. Свастика и хагалль-руна должны напоминать награждённому о непоколебимой вере в победу нацистского мировоззрения. Кольцо обвито листьями дуба, традиционного немецкого дерева. Такое кольцо нельзя купить, и по идее дарителя оно никогда не должно попасть в чужие руки. После выхода награждённого из СС или его смерти тотенкопфринг возвращается к рейхсфюреру СС.

Кроме того, кольцо имело мистический смысл. По замыслу Гиммлера, оно должно было на астральном уровне связывать своего владельца с эсэсовским замком Вевельсбург, куда поступали на хранение перстни умерших эсэсовцев как «символ незримого присутствия павших товарищей по оружию». Таким образом, кольцо было овеяно ореолом таинственности, элитарности и, несомненно, служило источником гордости для эсэсовцев. На его внутренней поверхности гравировалась аббревиатура S.Ib. – «моему дорогому...», а далее шли фамилия владельца, дата вручения и факсимиле Гиммлера. В данном случае на том кольце, которое держала я, стояло имя Рудольфа Гесса. Тридцать первого марта тысяча девятьсот сорок пятого года Гиммлер приказал взорвать Вевельсбург, где хранилось более шестидесяти процентов всех колец. Они не обнаружены до сих пор. Конечно, то, что было у меня в руках, могло быть и подделкой. Но то, что муж Надежды Сергеевны служил в Шпандау и именно там проводил свои последние дни нацистский преступник Гесс, наводило на мысль, что это не простое совпадение. Что кольцо с мёртвой головой, скорее всего, настоящее.

Долгий звонок во входную дверь прервал мои размышления.

– Может, сестра вернулась? – с робкой надеждой в голосе проговорила моя клиентка, направляясь к двери.

* * *

Но на пороге квартиры оказалась вовсе не пропавшая старушка, а коротко стриженная разбитная девица, энергично жующая жвачку. Возле её ног были свалены пакеты из супермаркета, а по круглому румяному лицу блуждала заискивающая улыбка. Увидев, что дверь открыла не хозяйка квартиры, пришедшая сразу же перестала улыбаться и удивлённо спросила:

– А где Надежда Сергеевна?

– Вы кто такая? – не слишком-то любезно осведомилась Кашеева, нервы которой явно были на пределе.

– Я из собеса, меня Катей зовут, – зачастила девица, подхватывая сумки и устремляясь в квартиру. – Я Надежде Сергеевне продукты принесла. Ну, и прибраться тут надо бы. Она что, заболела?

В вопросе Кати прозвучало столько затаённой надежды, что моя клиентка впиалась в лицо соцработницы настороженным взглядом.

– С чего это Надя должна заболеть? – недовольно и подозрительно спросила она, сканируя глазами круглое девичье лицо.

– Так она же совсем старенькая, – простодушно откликнулась Катя.

Одновременно она продолжала движение по коридору, и вставшая на её пути старушка была вынуждена отступить, иначе Катерина смела бы её с дороги. По-хозяйски проследовав на кухню, девица, не переставая болтать, принялась раскладывать продукты на полках холодильника.

– Я почему спросила... – тараторила она, заталкивая пакет молока в морозильник, а пельмени укладывая на верхнюю полку рядом с огурцами. – В последнее время Надежда Сергевна часто жаловалась на сердце, а с сердцем шутить нельзя. Уж я-то знаю, у моего сынишки большое сердце, мы с ним постоянно по больницам мотаемся.

– Я вам очень сочувствую, – сделала я попытку прервать монолог Катерины и задать ей пару вопросов по существу.

– А чего мне сочувствовать? – горько усмехнулась она, не давая себя перебить. – Кого я ещё могла родить от наркомана со стажем?

– Зачем же ты за наркомана замуж пошла? – опешила Любовь Сергеевна.

– А я Валерку со школы люблю, мне всё равно, кто он там, наркоман или алкоголик, лишь бы со мной оставался. Он ведь почему колется? Потому что мы с его родителями живём. А как только у нас будет отдельная квартира, Валерик сразу завяжет с наркотиками.

– И как ты не побоялась от него родить? – покачала головой Кашея. – Ведь мог дебил родиться!

– Мог, – покладисто согласилась Катя. – У Славки Дынина, дружка моего Валерки, девчонка родилась слабоумная. Вот это ужас, я вам скажу! А мой Данила ещё ничего, вполне терпимо. Правда, ему нельзя сильно нервничать, а Валерка частенько нас с сыном из дома по ночам выгоняет, тут кто хочешь занервничает, не только пятилетний ребёнок. Так что с Надеждой Сергевной?

– А почему это ты всё интересуешься? – снова насторожилась старуха, обличительно прищуриваясь.

– Надежда Сергеевна пропала при невыясненных обстоятельствах, – отодвинув в сторону клиентку, взяла я инициативу в свои руки. Если позволить им препираться, мы так и не сдвинемся с мёртвой точки. – Я адвокат Агата Рудь, помогаю сестре пропавшей разобраться в случившемся. Катерина, когда вы видели свою подопечную в последний раз?

– Позавчера, – секунду подумав, ответила девушка, усаживаясь на кухонный стул и принимаясь грызть печенье, беря по одной штучке из вазочки. – Надежду Сергевну обокрал телевизионный мастер, она решила продать военные награды своего мужа и попросила меня купить газету «Из рук в руки». Ну, я и принесла Надежде Сергевне газету, а там был телефон мужика, который занимается скупкой наград. Я даже помогла его номер набрать, сама-то она совсем слепая.

– Вот как, – заинтересовалась я, беря со стола забытый старушкой телефон и пролистывая журнал звонков. Обнаружив тот, который чаще всего вчера фигурировал в пропущенных вызовах, показала его соцработнице: – Вы звонили по этому номеру?

– Ага, по этому, – едва взглянув на экран, тут же согласилась Катерина, хрумкая печеньем.

– И о чём они договорились?

– Понятия не имею, – пожалала плечами девица. – Я набрала Надежде Сергевне номер и побежала к Ольге Николаевне из пятого дома.

– А почему ты вчера к Наде не заходила? – допытывалась сестра пропавшей, стоя в дверях.

– Вчера и не должна была заходить, – холодно откликнулась Катерина, – потому что Надежду Сергеевну навещаю три дня в неделю. Я обязанности свои знаю, нечего меня учить. Ладно, пойду, пожалуй, а то меня Ольга Николаевна заждалась. За продукты деньги верните, вот чеки.

И Катерина, поднявшись со стула, вытащила из заднего кармана джинсов бумажный комочек и небрежно бросила его на стол. Заносчивое поведение соцработницы оказало на Любовь Сергеевну неожиданное действие: она вдруг прониклась к девушке симпатией.

– На-ка вот... Сдачу оставь себе, – доставая из кошелька пятитысячную купюру и протягивая её Катерине, проговорила клиентка. А потом, кивнув на вазочку, добавила: – И печеньеца мальчонке возьми, пусть побалуется.

Социальная работница не заставила себя долго упрашивать. Сунув пять тысяч в сумку, она пересыпала шоколадные кругляшки в целлофановый пакет и отбыла восвояси.

Как только за Катей закрылась входная дверь, Любовь Сергеевна решительно прошлась по квартире, заглядывая во все шкафы, пока не обнаружила в спальне пустую вешалку.

– Здесь висело пальто Михаила, – уверенно заявила она. И тут же принялась заглядывать в коробки с обувью. – И ботинок Мишиных нет!

– Получается, Надежда Сергеевна отправилась на улицу в одежде покойного мужа, – выдвинула я наиболее вероятное предположение.

– Скажешь тоже! – небрежно отмахнулась клиентка.

Но мои слова заставили её задуматься. Посмотрев на меня долгим взглядом, старуха властно скомандовала:

– Агата Львовна, бери ручку и рви из блокнота листки. Сейчас мы напишем объявления о пропаже Надежды и расклеим их по району. Если кто-то видел мою сестру – за вознаграждение обязательно откликнется.

– И много вы собираетесь заплатить за информацию? – поинтересовалась я, следуя её указаниям и уже ничему не удивляясь. Даже тому, что клиентка перешла со мной на «ты».

– Рублей пятьсот, а может, даже тысячу, – прикинула клиентка. – Деньги у меня есть, я дачу продала.

– А не боитесь, что вам станут названивать падкие на халяву алкоголики с бомжами и морочить голову?

– А ты, Агата Львовна, напиши свой контактный телефон. И непременно укажи, что ты из адвокатской конторы «Устинович и сыновья», – предложила клиентка. – Меня, старуху, надурить могут, а с адвокатом шутить поостерегутся.

Понимая всю бесперспективность своего занятия, я настрочила с десятков объявлений. А потом, вооружившись скотчем и ножницами, отправилась под руководством гражданки Кашевой расклеивать бумажки по окрестностям.

* * *

На следующее утро Кира Ивановна рвала и метала.

Эд Георгиевич отбыл на международный юридический семинар в Барселону, оставив секретаршу следить за порядком. Вот Кира Ивановна и следила, как могла. Интернетчики ещё вчера должны были закончить обновлять наш сайт, но наступил новый день, а работа до сих пор так и не была сделана.

– Шеф будет в ужасе! – возмущалась секретарша. – Это катастрофа! Мы теряем клиентов!

– Да бросьте, Кира Ивановна, – подзуживал старейшую сотрудницу конторы Борис, – слава об адвокатском бюро на Маросейке передаётся из уст в уста, благодарные клиенты рекламируют нас своим друзьям, а те, заполучив заветный телефончик, торопятся набрать наш номер, чтобы...

Но закончить выступление мой кудрявый друг не успел – звонок телефона прервал его пламенную речь, которую секретарша слушала, нахмурив лоб и сердито подперев подбородок рукой. Кира Ивановна тут же схватила трубку и бодро отрапортовала:

– Адвокатская контора «Устинович и сыновья», доброе утро. Чем можем быть полезны?

Собеседник на том конце провода сказал что-то такое, отчего лицо секретарши озарилось улыбкой, и, подмигнув Борису, она пропела:

– Само собой, у нас имеются адвокаты! Конечно, мы сможем вас проконсультировать! Будьте добры, назовите вашу фамилию. Михайлов? Отлично, записываю вас к Марии Ветровой. Хотите к мужчине? Можно и к мужчине. Вас будет ждать наш лучший адвокат Борис Эдуардович Устинович. Это, правда, не тот Устинович, который руководит фирмой, а всего лишь его сын, но тоже очень толковый юрист. Шестнадцать ноль-ноль вас устроит? Вот и прекрасно. Записывайте адрес.

– Какой-то странный народ пошёл, – с недоумением протянула Кира Ивановна, снова пристроив трубку на базу. – Хочет, чтобы непременно адвокатом был мужчина. Это прямо какой-то мужской шовинизм!

В предвкушении встречи с потенциальным клиентом Устинович-младший, потирая руки, отправился на кухню, где Пол Банкин с раннего утра пил чай. Заглядывая в течение дня в рекреационную зону, я видела одну и ту же картину – недавние враги смотрели телевизор и уминали за обе щёки припасы из шкафчика для посетителей. В половине четвёртого Борька, пошатываясь от сытости, вышел из кухни и занял рабочее место, чтобы Михайлов не застал его врасплох. Но часы отсчитывали минуты, а затем и часы, а звонившего утром клиента всё не было. От нечего делать Джуниор принялся следить за Машей Ветровой, вынимающей из укромного места весы.

Наша конторская красотка в настоящий момент переживала бурный роман с актёром кино, исполняющим роли второго плана, и от любви похудела до несвойственного для себя сорок четвёртого размера. Будучи девушкой достаточно высокой, Мария приобрела модельные пропорции и теперь подумывала, не закончить ли ей карьеру адвоката и не податься ли в манекенщицы. Весы, которые Маша держала под столом, в последнее время стали для неё источником вдохновения, и Ветрова, в очередной раз взвесившись, с воодушевлением принималась рассылать резюме по столичным агентствам. Однако почтенный для модели тридцатилетний возраст портил всё дело, и разосланные анкеты оставались без ответа.

Взвесившись, Маша удовлетворённо тряхнула смоляными локонами и уже хотела было задвинуть весы под стол, как Джуниор задумчиво протянул:

– Что-то ремень не застёгивается на обычную дырку. Пару лишних кило набрал, что ли? Дай-ка, Мария, и я, что ли, взвешусь.

Борис взгромоздился на весы и, недоверчиво прищурившись, стал вглядываться в показания электронного табло. Пробормотав: «Ох и ни фиги себе, сто тридцать кил наел», – он слез с весов и через минуту встал на них снова. Но от этого мало что изменилось – сто тридцать килограммов никуда не делись.

Пока я наблюдала за манипуляциями кудрявого друга, вступившего в неравный бой с напольными весами, Кира Ивановна ответила на телефонный звонок и начала семафорить мне глазами.

– Да, адвокат Агата Рудь у нас работает. Обождите минуточку.

Среагировав на мимику секретарши, я подбежала к ресепшену и приняла из рук Киры Ивановны тёплую трубку.

– Здравствуйте, – бойко проговорил женский голос на том конце провода. – Это вы обещали вознаграждение за информацию о пропавшей старушке в мужском пальто?

– Вы что-то о ней знаете? – не поверила я своим ушам. – И где же она?

– Сначала поговорим о вознаграждении, – немного поколебавшись, потребовал голос.

– Давайте встретимся и всё обсудим, – предложила я компромиссный вариант. – Где и когда вам будет удобно?

– У ювелирного магазина «Золотой скарабей» в Армянском переулке, я там работаю. Вы когда сможете подъехать?

– Думаю, минут через двадцать буду у вас, – прикинула я.

– В зале спросите старшего продавца Галину Васильевну, девочки меня позовут, – сообщила звонившая перед тем, как повесить трубку.

Ювелирный магазин находился недалеко от дома пропавшей старушки, и одно из объявлений я собственноручно приклеила на стену здания, первый этаж которого занимал «Золотой скарабей». Подхватив сумку, я бросилась на улицу. Налетев в дверях на Бориса, поймала на себе его безумный взгляд и услышала тихий шёпот:

– Представляешь, Агатка, восемь кило за неделю прибавил!

– Тебе срочно надо влюбиться, как Маше Ветровой, – посоветовала я, огибая массивную фигуру приятеля.

– Да я, вроде уже, – промямлил тот и залился жарким румянцем.

Не скрою, видеть зардевшиеся щёки Устиновича-младшего мне было приятно. То, что Джуниор равнодушен ко мне с первого курса института, не было для меня тайной за семью печатями, однако я и сама не понимала, хочу ли провести рядом с Борисом остаток своих дней. Порой мне кажется, что Боря именно тот, кто мне нужен, и я даю ему об этом знать. Но как только обнадёженный приятель принимается за мной ухаживать, я начинаю на него злиться, мечтая оставить всё, как есть.

– Боря, только не начинай! – недовольно наморщив нос, оборвала я кудрявого друга.

– Да нет, Агатка, я ничего такого не говорю, – испугался приятель, придерживая дверь и выпуская меня на улицу. – Просто хотел спросить, не хочешь со мной бегать по утрам? У меня лесок рядом с домом замечательный, я бы за тобой заезжал, и мы бы совершали утреннюю пробежку. Может, прямо завтра и начнём?

– Когда мне бегать? – фыркнула я. – У меня только-только дело с мёртвой точки сдвинулось – объявилась свидетельница, которой что-то известно про старушку Мироевскую. Может, придётся куда-то ехать на ночь глядя. А ты говоришь – бегать по утрам...

– Нет так нет, – с сожалением протянул Устинович-младший, направляясь к машине. – Что за день сегодня такой? – бормотал он себе под нос. Михайлов записался и не пришёл, весы показывают полную лажу, да ещё какой-то урод перегородил выезд с парковки!

И точно, поперёк дороги кто-то припарковал чёрный «Ниссан Джук», мешавший сейчас свободному проезду. Водителя в салоне не было – должно быть, отлучился по делам.

– Ну и как мы будем его объезжать? – проворчал Борька, осматривая транспортное средство дорожного хама. – Вот клади! Номера себе выпендрёжные купили и думают, что могут творить, что хотят!

Номер у «Джука» был в самом деле просто загляденье – четыре единички и буквы, составляющие слово ЩАС.

– Морду ему давно не били! – бушевал Борис, прохаживаясь вокруг чужого автомобиля.

– Боря, есть же другой выезд, – напомнила я, направляясь к своему «Мини-Куперу», и предложила: – Ничего страшного, проедем в объезд, зато не надо ждать хозяина машины.

– Ладно, чёрт с ним, пусть живёт, – махнул рукой Устинович-младший, усаживаясь за руль «Форда Фокуса», и порулил в противоположную от «Джука» сторону.

Я, недолго думая, тронула за ним. На перекрёстке мы разъехались каждый по своим делам. Глянув в зеркало заднего вида на удаляющийся «Форд» Бориса, я заметила, как за машиной приятеля двинулся тот самый чёрный «Ниссан», вынырнувший из переулка, в котором располагалась наша адвокатская контора.

* * *

Всю дорогу до «Золотого скарабея» я гадала, случайное ли это совпадение или автомобиль с оригинальным номером и в самом деле преследовал Бориса. Однако когда подъехала к магазину, все посторонние мысли, кроме одной – о пропавшей старушке, вылетели из головы. Любовь Сергеевна, которой я перезвонила сразу же после звонка свидетельницы, уже ждала меня у ювелирного магазина. Она сжимала правой рукой ворот распахнутого пальто, а левой держала сумку, из которой выглядывал батон хлеба.

– Почему так долго? – недовольно осведомилась клиентка. – Я уже за хлебом успела сходить, а тебя, Агата Львовна, всё нет и нет...

– В пробках задержалась, – ответила я. – Так какую сумму будем озвучивать в качестве вознаграждения?

– Больше пятисот рублей не дам, – заносчиво ответила сестра пропавшей. – Это хорошие деньги за какие-то там сведения. Может, она и не знает ничего, только мозги нам крутит.

– Ну что же, как скажете, – покладисто согласилась я, понимая, что жадность старухи может испортить всё дело, и про себя решив, если что, добавить денег до заявленной свидетельницей суммы.

Галину Васильевну нам звать не пришлось. Заметив курсировавшую вдоль витрин старуху, свидетельница сразу смекнула, что к чему, и стояла в ожидании нас у входных дверей рядом с охранником. Окинув взглядом худощавую шатенку средних лет, я уверенной походкой направилась напрямик к ней и негромко представилась:

– Я адвокат Агата Рудь, это моя клиентка Любовь Сергеевна Кашевая. А вы, насколько могу судить, Галина Васильевна?

– Да, я вас жду, – откликнулась женщина. И, повернувшись к охраннику, добавила – Вить, я отлучусь на полчаса. Если начальство нагрянет, звони мне на мобильник.

– Да не вопрос, Галчонок, – откликнулся молодцеватый Витя, интимно шлёпнув старшего продавца пониже спины.

Свидетельница погрозила озорнику пальцем, быстрым шагом направилась в дальний конец торгового зала и, толкнув дверь в служебное помещение, скрылась в подсобке. Через несколько секунд она предстала перед нами в серебристой норковой шубе. Глядя на дорого одетую Галину Васильевну, я с горечью подумала, что денег, судя по всему, дама запросит немало.

– В соседнем доме есть кафе, можно там поговорить, – властноскомандовала свидетельница.

Присмирившая клиентка покорно двинулась следом за ней. Я замыкала шествие, на ходу прикидывая, во сколько мне обойдётся эта беседа. К тому моменту, когда мы уселись за столик, я уже решила, что меньше пяти тысяч старший продавец не попросит, и мысленно простила с безлимитным абонементом в бассейн, на который как раз и предназначалась данная сумма, отложенная у меня в кошельке.

Следует признать, что разбираюсь я в людях вполне прилично. Ибо стоило нам заказать кофе и дожидаться, пока официант отойдёт подальше от нашего столика, как Галина Васильевна заявила:

– Сведения стоят пять тысяч, на меньшее я не согласна.

– Совесть надо иметь! – возмутилась клиентка. И с рыночными интонациями добавила: – Больше пятисот рублей не дам.

Свидетельница презрительно фыркнула и, с грохотом отодвинув стул, поднялась из-за стола.

– Зачем тогда было писать про вознаграждение, если не собираетесь платить? – злобно сверкнув глазами, выдохнула она.

– А пятьсот рублей тебе уже не деньги? – гнула свою линию сестра Мироевской.

– Недостающие четыре тысячи пятьсот рублей заплатит наша адвокатская контора, – примирительно проговорила я, сглаживая острые углы, возникшие в первые минуты общения.

– Деньги вперёд! – потребовала свидетельница, с подозрением переводя взгляд с меня на Любовь Сергеевну и обратно.

Должно быть, она не верила, что адвокатская контора, заинтересованная в гражданке Мироевской гораздо меньше её сестры, станет делать столь внушительные доплаты. Но я выложила на стол обещанную сумму, поверх которой клиентка пристроила пятисотрублёвую купюру. Пересчитав деньги, Галина Васильевна приступила к рассказу.

– Позавчера я допоздна засиделась на работе – составляла отчёт.

– А разве вы на ночь не ставите магазин на охрану? – удивилась я.

– У нас круглосуточно дежурят охранники, – пояснила женщина.

– Должно быть, тогда дежурил Витя? – желчно осведомилась Кашева, испепеляя собеседницу ехидным взглядом.

– Это к делу не относится, – сердито проговорила свидетельница. – Если вам не интересно, могу ничего не рассказывать.

– Денежки взяла, теперь давай рассказывай, – потребовала клиентка.

– Так вот, засиделась я допоздна с отчётом, – с напором повторила старший продавец, – вдруг слышу – какой-то шум у самых дверей. Я выскочила на улицу, а там двое парней вырывают из рук у крохотного старичка дамскую сумочку. Парни таки отобрали у дедули ридикюль и бросились бежать, а пожилой мужчина схватился за сердце и упал на снег. Я вызвала «Скорую». Врачи приехали быстро, и, когда они укладывали больного на носилки, выяснилось, что это не старичок, а старушка. Документов при ней не оказалось, должно быть, они были в украденной сумке, а в сознание бабулька так и не пришла. Увезли её в шестую больницу на Новой Басманной, куда отвозят всех, у кого нет документов, так что ищите свою сестру там.

– Вот спасибо тебе, дорогая моя! – обрадовалась Любовь Сергеевна, пожимая унизанную кольцами руку свидетельницы. – Как туда проехать, не подскажешь?

Шестую больницу я знала очень хорошо – напротив неё располагался мой дом. Поэтому приняла из рук официанта папку и, оплатив общий счёт за кофе, проговорила:

– Поехали, Любовь Сергеевна, я знаю, где это.

– Ну, то-то же! А то устроили скандал на ровном месте... – усмехнулась свидетельница, поднимаясь из-за стола и направляясь к выходу.

* * *

В приёмном отделении шестой городской больницы мы были через десять минут.

– Никакой Мироевской Надежды Сергеевны к нам не поступало, – решительно поправляя то и дело сползающие на кончик носа очки, заявила пожилая крашеная блондинка.

– Будьте так добры, назовите фамилии всех женщин, которые поступили к вам позавчера в кардиологию, – мило улыбаясь и подкрепляя улыбку сторублёвой купюрой, попросила я.

– Семёнова была, Морозова, Бронштейн и Баулина.

– Так Баулина – это же наша с Надеждой девичья фамилия! – оживилась клиентка, радостно сверкая из-под шапки круглыми глазами.

– Баулину Надеждой Сергеевной зовут? – уточнила я.

– Именно так, – подтвердила регистраторша.

– И в какой палате она лежит?

– В триста восьмой. Но сейчас вас к ней не пустят.

– Это не страшно. Самое главное, что Надежда нашлась, – радостно задышала Любовь Сергеевна. – Когда у вас приёмные часы?

– С четырёх до семи, – ответила сотрудница регистратуры, теряя интерес к беседе.

Возбуждённо жестикулируя, клиентка направилась к выходу.

– Это же надо, Надежда забыла, что она Мироевская! – громко говорила она. – Уже полвека, как не Баулина, а вот поди ж ты, назвалась Баулиной. Это склеротические изменения в коре головного мозга. Я передачу смотрела, такое часто в старости бывает. Надежда, конечно, и раньше чудила. Например, записалась она в сентябре в Институт Гельмгольца на шестнадцать тридцать и приехала... в половине пятого утра. На такси до клиники добиралась и все удивлялась, почему не ходит транспорт. Сердобольные медсёстры положили её в пустую палату, чтобы она там поспала, а потом позвонили мне и попросили за ней приехать. После этого я Надю одну никуда не отпускаю.

– Любовь Сергеевна, может, вас до дома подвезти? – вклинилась я в возбуждённый монолог клиентки.

– Нет, не поеду я домой, – отмахнулась та. – Пойду к Раисе, обрадую её, что с Надеждой всё в порядке.

– Ну что же, сестра ваша нашлась, моя помощь вам больше не требуется. Вы оплатили аванс, и завтра я жду вас в конторе. Вы ведь должны внести оставшуюся сумму.

Лицо Кашевой мигом утратило всю свою благообразность. Она собрала лоб морщинами, сделавшись похожей на разъярённую черепашку, и с угрозой в голосе проговорила:

– Это за что же тебе ещё денег давать? Ты палец о палец не ударила, чтобы найти Надежду, всё сделала я: объявления развесила по району, нашла эту вертихвостку из ювелирного, денег ей отвалила. Совсем обнаглели господа адвокаты, тянут и тянут с пенсионеров!

Мечтая как можно скорее покончить с неприятным разговором, я примирительно подняла руки и сердито сказала:

– Отлично! Если вы считаете, что ничего нам больше не должны, пусть так и будет. Только, пожалуйста, больше ко мне ни с какими вопросами не обращайтесь.

В конце концов, просьбу Хитрого Лиса я выполнила – старуха судиться с полицией передумала, значит, дело доведено до логического завершения, и надо как можно скорее распрощаться с гражданкой Кашевой.

– Не бойся, не обращай! – выкрикнула мне в спину бывшая клиентка, пока я усаживалась в машину.

Но английская народная мудрость гласит: «Никогда не говори «никогда». Любовь Сергеевна позвонила мне на мобильник в два часа ночи.

– Агата, только что кто-то забрался в квартиру к Наде! – страшным шёпотом сообщила она.

Не понимая спросонья, чего от меня хотят, я вяло откликнулась:

– И чем я могу вам помочь? Вызывайте полицию.

– Полиции я не доверяю, а тебе доверяю, – грубо польстила мне Кашевая. И зачастила: – Ты вон лишнего не берёшь, а в полиции одни рвачи работают, за каждый шаг деньги вымогают. А откуда они у бедной пенсионерки? Я дачу совсем за бесценок продала, ничего уже от суммы не осталось, нечем мне им платить. Да и тебе, впрочем, тоже. Давай приезжай! А то ведь я к Лисицыну пойду и расскажу, как ты моё дело на середине дороги бросила! – резко перешла старушка к угрозам.

Понимая, что поспать мне сегодня не дадут, я устало согласилась:

– Ладно, через двадцать минут буду у вас.

И отправилась в ванну смывать остатки сна. До Армянского переулочка ехать было всего ничего. Поднявшись на нужный этаж, я увидела приоткрытую створку квартиры Раисы и две взлохмаченные головы, выглядывающие в щёлку. Старушки не спускали глаз с двери Мироевских, опасаясь, что злоумышленник покинет место преступления раньше, чем я успею приехать.

– Он всё ещё там, – шёпотом оповестила меня верхняя голова, принадлежавшая Любове Сергеевне. А нижняя, Раисина, принялась энергично кивать.

– Несите ключи, – распорядилась я.

Мне в руку тут же сунули ключ на внушительной связке, и я, стараясь не греметь остальными ключами, открыла входную дверь квартиры пропавшей, в которой затаился неведомый преступник.

* * *

В прихожей стояла подозрительная тишина. Повсюду горел свет – похоже, вор особо не таился, пройдясь по всем помещениям и устроив иллюминацию. Только спальня была погружена во мрак, и оттуда доносились странные звуки, напоминающие всхлипывания велосипедного насоса. К уже знакомому мне запаху сердечных капель и старых книг прибавились новые нотки, особо неприятные, но что это за «аромат», понять мне не удавалось.

Пока я раздумывала, что может его издавать, Любовь Сергеевна, следовавшая за мной по пятам, прошла в комнату и хлопнула ладонью по выключателю. Под потолком вспыхнула засиженная мухами и покрытая толстым слоем пыли хрустальная люстра, и при её тусклом свете мы увидели, что на кровати поверх одеяла спит, лежа на самом краю, какая-то женщина. Рядом с ней раскинулся во сне мальчик лет пяти.

Приглядевшись, я узнала в непрошеной гостье социального работника Катерину. Любовь Сергеевна, похоже, тоже поняла, кто перед ней, и тут же упёрла руки в бока.

– А ну-ка, подъём! – командным голосом гаркнула старушка.

Первым проснулся ребёнок. Он засунул палец в рот и, испуганно тараща на нас глазёнки, кривил мордашку, готовясь заревать.

– Катерина, вставай! – потребовала Кашевая и тронула спящую за плечо.

Та заворочалась на кровати, из-под её тела выкатилась пустая винная бутылка и с грохотом шлёпнулась на пол. Тут-то я и поняла, чем так гадко воняет в квартире. Это же запах перегара!

– О-о, всё понятно, – протянула Раиса, брезгливо рассматривая опухшее лицо Катерины.

– Эй, выметайся отсюда, пока я полицию не вызвала! – прикрикнула на девушку Любовь Сергеевна.

Мальчик вынул палец изо рта и разразился горьким плачем. Слёзы сына подействовали на пьяную как холодный душ. Она трянула головой и, сложив из непослушных пальцев кукиш, ткнула его в перекошенное от злости лицо оппонентки.

– А это видела? – истерично завопила девица. – Это моя квартира, ясно?

– Как твоя? – опешила Раиса.

Кашевая от возмущения только фыркнула, не в силах вымолвить ни слова.

– Надежда Сергеевна завещала мне всё движимое и недвижимое имущество! – визжала девица. – Вот завещание, смотрите!

Соцработница вынула из-под себя мятый пакет и вытащила оттуда файл с изрядно потрепанной бумагой, которую и протянула сестре Мироевской. Та растерянно устала в листок. Но, находясь в состоянии стресса, ничего не могла прочесть. Я взяла из ее рук документ и убе-

дилась, что это действительно нотариально заверенная копия завещания, которое, само собой, ещё не вступило в силу, ибо завещательница жива.

– Можете оставить себе, у меня ещё есть, – махнула рукой Катерина, когда я протянула бумагу обратно.

– Ах ты, мерзавка! Надежда в больнице лежит, а ты уже ее жилплощадь заняла! – негодуя затрясла подбородком Любовь Сергеевна. – Не думай, я буду завещание оспаривать! Надежда была не в себе, когда тебе всё отписывала, любой это подтвердит. В Институте Гельмгольца до сих пор Мироевскую вспоминают, знают, что у нее с головой нелады. У меня вон и адвокат хороший имеется, – кивнула старушка в мою сторону, – и деньги тоже есть, я дачу продала. По судам тебя затаскаю!

– Зачем вам две квартиры? Вы же старая и скоро умрётё, – невозмутимо проговорила социальная работница. – Надежда Сергеевна сказала, что у вас нет близких родственников.

– Как это нет? А внук в Волгограде? – вскинулась моя бывшая клиентка. – У меня сын в Волгоград в девяносто первом году на картошку с институтом ездил, так к нам потом девица с мальчонкой оттуда приезжала. Говорила, что от Стасика моего родила. Я тогда их на порог не пустила, а теперь, когда Стасик от перитонита умер, ищу их через передачу «Жди меня». Так что есть у меня наследники! Короче, иди себе с богом отсюда!

– Куда ж она с ребёнком-то среди ночи... – жалостливо протянула Раиса. – Может, пусть уж переночует?

– Да ладно, не орите, я к матери пойду, – слезая с кровати и сладко потягиваясь, проговорила Катя. – У меня маманя здесь рядом работает и как раз сегодня дежурит. Так что не бойтесь, не пропаду. А насчёт квартиры можете не дёргаться, всё равно она будет моей. Надо было почаще к сестре приезжать, а не бросать её одну на попечение соцработников.

Надев на мальчика старенькую курточку и стоптанные сапожки, Катерина накинула на плечи пуховик, сунула ноги в валявшиеся у кровати модные ботинки, подхватила сына на руки и направилась к двери.

– Ключи от квартиры верни! – крикнула ей вслед Любовь Сергеевна.

– Не тобой давались, не тебе и забирать! – рявкнула в ответ девица и вышла из квартиры, шарахнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

– Вот нахалка! – всплеснула руками клиентка. – Уже в квартиру вселилась! Хорошо хоть, Надежда жива. Завтра же сестра переписет завещание.

– Что Катерина говорила о квартире? Что всё равно её будет? Ох, не нравится мне это! – тяжело вздохнула Раиса.

Клиентка кинула на меня довольный взгляд и важно произнесла:

– Ничего, у нас адвокат имеется, если что, не даст в обиду!

* * *

В отсутствие хозяина размеренная жизнь конторы протекала по принципу «кот из дома – мыши в пляс». Сотрудники теперь встречали рабочий день не на своих местах, как при Эдуарде Георгиевиче, а на кухне перед телевизором.

Стоило мне войти утром в офис, как я сразу же услышала тревожный голос дикторши, ведущей криминальный репортаж.

– Про что это рассказывают? – заглянув в рекреационную зону, осведомилась я.

Кира Ивановна на меня зашикала, Маша Ветрова скроила умоляющую гримаску, Пол Банкин сделал страшные глаза. И только Боря вполголоса пояснил:

– Смотрим «Человек и закон». Подражатель так называемого инсулинового убийцы грохнул сегодня ночью третью жертву, вот и пустили передачу про оригинал.

Заварив себе чаю, я опустилась на свободный стул рядом с Джуниором, чтобы вместе с сослуживцами освежить в памяти историю этого странного, можно сказать, идейного маньяка.

Инсулиновый убийца был персонажем необычным и потому возбуждал у обывателей в далёких девяностых повышенный интерес. Звали маньяка Валдис Лацис, и был он хоккеистом московского «Факела», купленным руководством команды в рижском «Сапфире» за большие деньги. Первые несколько матчей легионер сыграл отлично, и команда выбилась в лидеры чемпионата страны. Но во время финального Лацис не смог забить ни одной шайбы, хотя вся команда работала только на него. С разгромным счётом семь-ноль «Факел» потерпел поражение и сразу откатился на третье место. В раздевалке разъяренные товарищи по команде не слишком-то деликатничали с новым игроком. Но, хотя вроде побили они Валдиса не сильно, тот вдруг упал на кафельный пол в душевой и принялся умирать. Вызванный врач диагностировал диабетическую кому, и хоккеиста увезли в больницу. Про то, что у легионера инсулинозависимый диабет, игроки «Факела» не знали, и открытие их очень возмутило. Парни стали требовать исключения инвалида из их команды. Однако формального повода расторгнуть с Лацисом контракт у руководства «Факела» не было.

Выросший в Риге хоккеист считал себя европейцем и, выписавшись из больницы, в соответствии с европейскими традициями подал на обидчиков в суд. Завертелось громкое разбирательство, освещавшееся всеми новостными программами. И вот одно ток-шоу в недобрый час решило пригласить оппонентов в телестудию, дабы столкнуть их лбами и посмотреть, что из этого выйдет. Игроки «Факела» придерживались позиции, что, если человек инвалид, пусть он сидит дома и не высовывается. Нечего, мол, ставить в дурацкое положение приличные хоккейные команды. Выслушав их точку зрения, разозлённый Лацис заявил, что если следовать логике противной стороны, то всем больным и убогим на этом свете делать нечего и прав был Гитлер, проводивший в жизнь теорию селекционного отбора человеческого материала.

Лациса тут же заклеямили фашистом и теперь уже с полным на то основанием выгнали из команды. Зато разного рода неонацистские организации его тут же признали своим. Валдис сделался необычайно востребован – у него брали интервью жёлтые газетёнки и солидные журналы, он буквально кочевал из студии в студию. В конце концов и то ток-шоу, на котором хоккеист вспомнил про Гитлера, снова заполучило спортсмена-диабетика к себе на передачу.

«Человек и закон» сумел разыскать одиозные кадры, положившие начало кровавому пути инсулинового маньяка, и пустил выдержку из передачи в прямой эфир. Поглощённая просмотром, я краем глаза наблюдала за кудрявым другом, методично уписывающим бутерброды, заботливо приготовленные Фирой Самойловной – матушка Джуниора никогда не отпускала сына из дома, не собрав в дорогу покушать.

– Боря, – тихо окликнула его я, стараясь не мешать другим, – перестань жевать. Ты же бегаешь по утрам!

Устинович-младший оторвал затуманенный взгляд от экрана и мрачно проговорил:

– Я пробежал по лесу одиннадцать километров и думал, что помру. Энергия покинула меня вместе с потом. Теперь, когда жизнь постепенно возвращается ко мне через колбасу и хлеб, ты, жестокая, хочешь перекрыть её источник?

– Что ты, Боря, – опешила я, – даже в мыслях такого не было, кушай на здоровье.

– Да тихо вы! – прикрикнула на нас Кира Ивановна, подавшаяся на стуле вперёд из опасения пропустить хоть слово, долетающее с экрана. А там полным ходом шли ретроспективные кадры.

– И что вы собираетесь делать теперь, когда ни одна уважающая себя хоккейная команда не примет вас в свои ряды? – допытывался у Лациса щеголеватый ведущий в бордовом пиджаке с яркими золотыми пуговицами по моде того времени. – Может, возглавите одно из неонацистских движений? Эти парни молятся на вас, господин Лацис.

– С недавних пор я недолюбливаю коллективы, поэтому ни к каким движениям примыкать не стану. Лучше пойду в ассенизаторы, – холодно обронил хоккеист, и в глазах его сверкнуло бешенство.

– Что вы имеете в виду? – заулыбался ведущий.

– Буду очищать Москву от человеческого мусора. Уничтожать инвалидов, калек и моральных уродов типа вас.

В голосе хоккеиста зазвучали стальные нотки, а лицо перекошилось от ярости.

– Или вы, Ильдар, думаете, что никто не знает о вашей сексуальной ориентации? – обратился он к ведущему.

– А при чём здесь это? – насторожился Ильдар, пытаясь спрятать охвативший его страх за маской деланого безразличия.

– При том, что раз уж больным и инвалидам нет места среди людей, то выродкам вроде наркоманов и гомосексуалистов и подавно делать нечего. Так что готовьтесь, извращенцы, я выхожу на тропу войны!

Высказавшись таким образом, Лацис поднялся и, явно нарочно задев плечом ведущего, вышел из студии.

Именно телеведущий и стал первой жертвой инсулинового убийцы. Тело его обнаружили через неделю после скандального эфира в тихом сквере на лавочке. Мужчина сидел, свесив голову на грудь, и редкие прохожие думали, что вызывающе одетый щёголь в длинном кашемировом пальто принял лишнего и просто спит. Причину смерти установить не удалось. И только позже судмедэксперты обнаружили следы от уколов на телах других жертв. Ими оказались помощник депутата, замеченный в педофилии, алкоголик, не дававший житья соседям, а также ветреная девица из хорошей семьи, промышлявшая интимными связями с иностранцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.